

Петр Николаевич Полевой

Избранник Божий

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Петр Николаевич Полевой

Избранник Божий / Петр Николаевич Полевой – М.: Книга по Требованию, 2011. – 102 с.

ISBN 5-270-01741-5

Роман Петра Полевого (1839-1902) "Избранник Божий" рассказывает о боярах Романовых, о трудном и тернистом пути, который прошел этот род, чтобы сын их Михаил Федорович стал в 1613 году "Избранником Божиим", положив конец Смутному времени и дав начало династии Романовых, которым предстояло управлять страной в течение трех столетий.

ISBN 5-270-01741-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Пётр Николаевич Полевой
Избранник Божий

I

НЕЖДАННАЯ ВЕСТЬ

Зима 1601 года была суровая и стала очень рано. Еще с конца октября закурили в поле метели, задул суровый северяк, озера и реки подернулись ледком таким, что лошадей с дровишками держать на себе стали, а немного спустя нагрянули такие морозы, что к Михайлову дню и снег умяли, и мосты по болотам да по топям намостили, и такой-то стал первопуток гладкий да славный, что хоть куда по нему поезжай. Везде ровень-гладень, везде путь-дорога: кони по ней без кнута бегут, сани сами катятся.

И словно поманил первопуток мужиков с теплой печи на дорогу, всюду по узким проселкам и по широким прямоезжим дорогам потянулись к белокаменной Москве обозы за обозами, а обок с ними поплелись православные, пожимаясь в своих худеньких зипунишках, попрыгивая с ноги на ногу в коротеньких валенцах, похлопывая новыми рукавицами, нахлобучивая на уши косматые шапки ушастые... Высоко задрали голову кабатчики и харчевники, почували поживу обильную. «Хошь сто верст пройдешь, а нас не минеши! К нам вашу братию мороз — красный нос волей-неволей загонит, заставит раскошелиться!» — думали они про себя, поглядывали с крылечка на нескончаемые обозы, припасая корм для коней и всякую немудрую снедь для добрых людей, которых выгнала на мороз нуждишка горькая либо поманила корысть востроглазая...

Как раз за два до Михайлова дня большой обоз саней в двадцать, поскрипывая полозьями, подъезжал по Троицкой дороге к подмосковному селу Рахманову.

Около возов, запряженных сытыми крестьянскими конями, шли и мужики-молодцы один другого здоровее, ражие да красивые... Все молодежь, как на подбор! А всех-то краше был тот, что шагал около обозного старика хозяина: малый лет двадцати, кровь с молоком, кудри кольцами из-под шапки лезут, а подбородок да щеки румяные чуть-чуть еще темно-русою бородкой опушаются. Пригож и красив был этот молодец, да не плох был и тот высокий, бородатый старик, что шел с ним рядом: на полголовы молодца того повыше и в плечах пошире, с живыми быстрыми глазами, он смотрел бодрее всех в обозе и, видимо, менее всех своих спутников тяготился трудностями далекого пути, несмотря на то что нес на богатырских плечах своих седьмой десяток. Широко шагая около своего сивого и дюжего мерина, старик хозяин, не переставая вести беседу со своим молодым спутником, то и дело оглядывался назад на остальных возчиков и покривал то одному, то другому:

— Эй, Сеня, чего там ворон считаешь? Аль не видишь, что у карехи седелка на боку?.. А ты чего зазевался, Мишук? Потяни супонь-то покрепче!.. Да помахивай, ребята, помахивай, до тепла недалечко... Вон дымки-то рахмановские да косогором по небу стелются!..

И он указал кнутовищем вдаль, на показавшиеся из-за косогора верхи крыш села Рахманова.

— И то до тепла-то поскорей бы добраться не мешало, — проговорил, пожимаясь и покряхтывая, молодой спутник старика, — а то уж меня мороз-то и сквозь полшубок пробирать стал...

Старик посмотрел на него искося с насмешливой улыбкой.

— Ишь тоже! Туда же, мерзнет, ровно боярчонок!.. Очень тебя твоя женушка,

моя доченька, больно забаловала, занежила!.. Да вот постой: тут на самом краю, как введешь в село, мой давний приятель Кокша Семен харчевню держит, к нему и подкатим всюю гурьбой... Небось найдется у старого плута чем нас и обогреть, и накормить...

Немного спустя весь обоз полегоньку сполз с косогора и, побрякивая колокольцами, подошел к крайней огромной избе, с высокою кровлей и обширным крытым двором, у ворот которого стоял и хозяин постоянного двора, приземистый, обрюзглый, краснорожий мужик лет за пятьдесят.

— К нам, к нам, гости дорогие! К нам заворачивайте! У нас щи горячие, каша масляная! — начал было он обычное причитание, низко кланяясь и снимая шапку с косматой головы.

И вдруг, взглянув в лицо старика хозяина, смолк, словно воды в рот набрал, и попятился к крыльцу.

— Здравствуй, здравствуй, Семен Иванович! — приветливо крикнул старик харчевнику. — Аль не узнал старого приятеля? И всего, кажись, год не видались...

Но Семен Иванович ничего не отвечал на приветствие и, допытившись наконец до крыльца, стал подниматься на ступени, видимо собираясь уйти в дом.

— Ну, ну, отворяй, что ль, ворота! Отворяй, не держи. И так прозябли!

— А ну вас к шуту! — пробурчал вдруг хозяин, хватаясь за кольцо калитки. — У нас на дворе нет для вас места!

Старик и глаза вытарашил, и руки расставил от удивления.

— Да что ты? Никак, угорел? Иль не видишь, что это все романовские холопы?.. Или и меня не признал, Ивана Сусанина?

— Чаво не признал! Вестимо, признал, да нету вам места — вот и сказ весь! — огрызнулся харчевник, хлопнул калиткою и задвинул ее засовом.

Иван Сусанин с добродушною улыбкой оглянулся на товарищей, порядочно-таки озадаченных выходкою харчевника, и проговорил как будто в оправдание ему:

— Видимо, к Михайлову дню пиво варил да лишнюю ендову хлебнул... Угар еще в голове бродит... Ну, да что ж нам ждать — поедем дальше! Тут что ни изба, то харчевня!

И обоз двинулся далее и остановился у следующей избы. Хозяин ее, стоявший с соседом у ворот, видел издали, как принял заезжих гостей Семен Кокша, и потому не спешил распахнуть ворота, а предпочел сначала вступить с Сусаниным в переговоры.

— Вы, братцы, откедова? — спросил он осторожно.

— Сам видишь откедова! С поля да с мороза... Впускай скорей в избу, там расспросишь, — уже с некоторою досадой ответил ему Сусанин, начиная отзывать повод от дуги.

— Да нет, старина, ты погоди выпрягать... Вишь, как вас много: мне, пожалуй, вас в избе и не поместить будет. Люди незнамые, боязно...

— Да какие ж незнамые? Бог с тобой, братец! Об эту пору, а не то к Рождеству, я тут ежегодь обозы моим боярам гоняю. А Романовых-бояр кто же на Руси не знает?

— Так вы романовские? — как-то особенно многозначительно протянул харчевник.

— Ну, да! Романовские холопы, из-под костромских вотчин запас им везем! —

подтвердил Сусанин, не вникнув в смысл заданного ему вопроса.

Но харчевник и руками замахал.

— Нет, нет, голубчики! Ступайте, ступайте дальше!..

И тоже юркнул в калитку.

— Да что они тут, белены, что ли, объелись, живоглоты проклятые? — воскликнул Иван Сусанин, пожимая плечами, и тронул своего мерина с места.

Но, к величайшей своей досаде и крайнему изумлению, он встретил такой же недружелюбный прием и еще от двух-трех следующих харчевников, наотрез отказавшихся впустить их и во двор, и в избу, и только один из них указал на другую сторону улицы и сказал Сусанину:

— Вон попытайте разве к Арефьичу постучаться. Авось тот вас пустит, которую уж неделю без постояльцев сидит... Чай, у него животы подвело.

Сусанин с обозом двинулся к Арефьичу, постучал в его ворота кнутовищем, и на пороге калитки тотчас явился сухощавый, корявый мужичонка с жидкою бородкой, в рваном зипунишке, и без всяких расспросов распахнул ворота и, низко кланяясь Сусанину, проговорил скороговоркой:

— Милости прошу с холоду в наше тепло, Божьи люди!

— Насилу-то на крешеного напали! — проворчал Сусанин, поворачивая своего мерина в ворота и въезжая под дырявую крышу двора.

Полчаса спустя кони у обозников были выпряжены и, прикрытые рогожками, привязаны к столбам двора, а все романовские холопы сидели в низкой и темной избе Арефьича, теснясь на узких и грязных лавках около плохого стола, на которой хозяйка поставила корчагу пустых щей да жбан жиденького квасу, а рядом с корчагою положила две больших ковриги ржаного хлеба, пододвинула деревянную солонку и подала два ножа да с дюжину крепко потертых и почерневших ложек.

— Не взыщите, голубчики! — говорил при этом скороговоркою хозяин, также суетившийся около стола. — Хлеб-то у нас с мякиной. Да и щи-то тоже, чай, не по вкусу вам... Мы к дорогим гостям необычны, всех у нас богатеи наши отбивают — вон Кокша Семен, да Нилка Журавль, да...

— Ну, что пустое мелешь! — перебил его Сусанин. — В дороге какой уж зыск! И с мякиной хлебушка поедим. У нас ведь и свой домашний в возах-то есть, да так замерз, что его и не угрызть... Хлебом нас не удивишь, мы, слава Богу, у наших бояр всем сыты и довольны!

— А кто же ваши бояре будут? — спросил хозяин, помаргивая своими маленькими глазками.

— Мы романовские... Из костромских ихних вотчин с запасом на Москву едем. Чай, Романовых-бояр знаешь?

— Романовых? — протянул Арефьич. — Да это какие же Романовы? Опальные, что ли? Аль другие?

У Ивана Сусанина густые брови сурово сдвинулись. Он поднял голову и, смерив Арефьича глазами, проговорил строго:

— Кабы я не в твоём тепле да не за твоим столом такое бы слово от тебя услышал, так я бы только глазком своим ребятам мигнул, от тебя и от твоей избенки праху бы не осталось!

— Да что ты? Что ты? Братан крестовенький! — затараторил хозяин, напуганный и взглядом, и словами Сусанина. — Вы, значит, дальние, до вас и не

дошло! Не знаете вы, значит, о боярах своих?

У Сусанина и ложка из рук выпала, все спутники его тоже переполошились.

— Да что же? Что с боярами нашими приключилось? Какая беда на них стряслась? Говори скорее! — крикнул Сусанин, поднимаясь с лавки.

— А как тебе сказать уж, право, и выговорить-то страшно! Наше, вестимо, дело старона, а слух такой с Москвы идет, что на них опала царская. За приставы все взяты... Именье все и животы на государя отписаны, а их холопей точно что не приказали ни укрывать, ни на службу принимать... Вот почему и богатеи наши тебе ворот не отперли!

Слыша это, спутники Сусанина поднялись из-за стола и окружили хозяина плотною гурьбою.

— С нами крестная сила! — шептал Сусанин, крестясь и слушая невероятные речи харчевника. — Что такое, откуда на наших бояр туча грозная нагрянула?

И он в недоумении огляделся на своих спутников, молча стоявших кругом него.

— Да вот постой. Постой, стар человек! Вот кто тебе лучше моего рассказать сумеет! — проговорил вдруг юркий харчевник и метнулся в сторону к полатам, с которых свешивался край грязной овчины и торчали две босые ноги.

— Эй, дядя! А, дядя! — стал кого-то кликать Арефьич, привстав на приступок у печки и хватаясь за одну из этих босых ног. — Дядя, вставай скорее!

— А? Что? Чаво тебе? — послышался чей-то хриплый спросонья голос.

— Вставай, вставай скорее!.. Добрые люди тебя спрашивают, землячки твои.

— Земляки? — И спавший на полатах заворочался и стал с них медленно и осторожно спускаться, пожимаясь и почесываясь и по пути натягивая на себя зипунишко.

— Костромской тоже, — шепнул Арефьич Сусанину, мотнув головою в сторону человека, который наконец спустился с полатей и стал около лавки, протирая глаза и оглаживая густую бороду с проседью.

— Батюшки! Да, никак, Степанушка. Степан Скобарь? — воскликнул Сусанин, протягивая руки земляку.

— Сусанин? Староста домнинский? — отозвался Степан. — Вот встреча-то! Привел Господь, где столкнуться!

И старики поздоровались по-приятельски и присели на лавку, между тем как молодежь все еще стояла и не смела присесть за стол без Сусанина.

— Изволишь видеть, бос и наг на родину бреду! — проговорил Скобарь, показывая свой зипунишко. — Да и тому-то рад, что цел ушел. Не знаю сам, как вынес Бог.

— Да что случилось-то, скажи, сделай милость? — нетерпеливо перебил его Сусанин.

— Беда, друг, неминучая! Словно гроза Божия на наших бояр обрушилась! Мольней выжгло, громом побил бы, легче было, кажись...

— Да где бояре-то?

— За приставами, по тюрьмам все... А Федор-то Никитич да князь Иван Черкасский и в застенке побывать успели... Боярыня в монастыре, тоже за решеткою посажена, и детки с нею...

— И Мишенька, любимчик наш? — дрогнувшим голосом спросил Иван Сусанин.

— И Мишенька с сестрицей и все их родичи, приятели, знакомцы...

— А мы с тобой, Богдаша, — обратился Сусанин к красавцу зятю, — мы-то Мишеньке салазки нарядные везли в гостинец!

— Не до гостинцев им, брат, теперь, горемычным! — грустно сказал Степан. — Не богаче нас с тобой! Добро их все разграблено: кое в казну, кое и мимо, по рукам пошло... Имень и живогы боярские на государя отписаны... А что уж нам, холопам, претерпеть пришлось и от приставов, и от стрельцов, и от подьячих, что было на Москве об наши спины обломали, допрашивая нас да добиваясь меж нами предателей... Да ничего поделать не могли: изветчиков-то не нашли, хоть били, и пытали, и голодом морили нас... Вот покажи, мол, против бояр своих!.. Ну нестерпимеж пришло, кто мог ушел. Пустились в бега, и я тоже, к вам на родину иду.

— Да за что же? За что вся эта напасть? — воскликнул Сусанин, хватая крепко Скобаря за руку. — Скажи, за что?

— Никто не знает... А так между речей допросных можно было понять, что обвиняют бояр наших в злых умышлениях на царя Бориса, на его государское здоровье. Коренья будто какие-то в их кладовых объявились, Бартенев-ключник и донес.

— Злые люди, значит, обнесли их, да и коренья лютые им в улику подкинули? — догадался Сусанин.

— Уж не иначе, как так, — печально проговорил Скобарь, разводя руками. — Мы ли своих бояр не знаем?

Оба старика в унынии опустили головы.

— Но как же быть теперь? Как мне-то быть? — заговорил немного спустя Сусанин. — Куда же мне-то с их боярским добром деваться?

— Да коли хочешь доброго совета моего послушать, — сказал Степан Скобарь, — так придется теперь же и поворотить тебе оглобли... Если вздумаешь добраться до Москвы, как раз ярыжкам в лапы угодишь. Добро боярское попусту загубишь да и сам-то тоже уйдешь ли цел от лиходеев? Пожалуй, ничем не побрезгуют, чтобы только напитать свою утробу ненасытную.

Сусанин опустил голову на руки, посидел с минуту в раздумье, потом поднялся с лавки и, крестясь на иконы, произнес дрожащим голосом сквозь слезы:

— Помилуй, Господи, бояр наших!.. Избави их от всякие муки и напасти... Спаси и сохрани в бедах...

И, опустившись на колени, положил земной поклон, его примеру последовали все его спутники. Затем Сусанин поднялся, отер полою слезы, наворачившиеся ему на глаза, и сказал:

— Ну, братцы, видно, последние времена пришли... Видно, придется стонать Русской земле и терпеть великие беды, когда у лиходеев на наших бояр Романовых руки поднялись... Быть бедам, быть бедам!

И могучий старик, потрясенный глубоким горем, опустился на лавку в тяжком унынии.

II В СЕВЕРНЫХ ДЕБРЯХ

Серенький и очень прохладный денек, прохладный для июня месяца, чуть не в самые Петровки, близился к полудню. Солнце, скудное лучами, то скрывалось за облаками серыми и холодными, то выглядывало из-за них ненадолго и обдавало ярким светом Мурьинский погост на Белоозере, широкий водный простор и темную, мрачную полосу старого хвойного леса, который местами сплошной массой надвигался на самый берег, так что сердитые волны обмывали, плеща и шумя, корни прибрежных вековых сосен и елей.

Мурьинский погост был бедным поселком в том крае. Пять-шесть рыбацких хижин лепились по отлогому скату берега, выдвинув к самому берегу черные бани. Крошечная церквушечка в виде пятистенка с высокою двускатною кровлей, украшенной небольшой главкой, крытой чешуйками, с деревянным покосившимся крестом наверху. Рядом с церковью попов дом, крытый соломой, и еще две избы, обнесенные одним общим частоколом. Вот и весь поселок. А если добавить к этому еще два гумна на задворках, да три-четыре амбарушки, да с полдюжины рыбацких челнов на берегу, около которых на перевесищах постоянно сушились всякие рыболовные снасти, то мы получим полную законченную картину этого жалкого уголка, заброшенного в дикой лесной глуши за Белым озером, уголка, забытого всеми и как бы созданного для забвенья.

Как раз около полудня мурьинский поп, старик лет шестидесяти, стал снаряжаться на озеро за рыбой и кликнул внука, шустрого мальчика лет двенадцати, своего постоянного спутника в поездках по озеру.

— Вася! А Вася! Тащи-ка весла на берег, да захвати кошелку для рыбы, и прикормку не забудь... Я за тобою следом...

А сам по давнему обычаю заглянул в старые, рукописные святые, в которых вел на полях запись важнейшим событиям своей немудреной жизни, и прочел:

«Мучениц Феклы, Марфы и Марии, преподобного Кирилла Александрийского, преподобного Кирилла Белоозерского...»

Сбоку было приписано: «В сей день присланы к нам на житье, по указу великого государя, опальные: князь Борис Черкасский с супругою, боярыня Ульяна Романовна, боярышня Анастасия Романовых же, да боярчонок Михаил Федоров, младенец, с сестрою Татьяною, отроковицею».

Рядом было приписано: «Великий улов рыбы в канун сего дня».

«Вот оно что! — подумал старый поп. — Значит, год завтра минет, как в ссылку к нам бояр прислали... Время-то как летит!.. Вот, вот и попытаем мы сегодня закинуть около сухмени, где прошлым годом улов-то был богатый!»

И весь поглощенный мыслью о предстоящей ловле, старик натянул на плечи суконный кафтан, перекрестился на иконы и вышел на крылечко. Здесь он бережно стащил с крыши свои заветные удочки, прихватил сачок и направился мимо церкви к берегу.

«Э-э! Да вот и сам князь Борис, никак, тут и есть», — сказал про себя поп, поравнявшись с церковью.

— Что, князь Борис, на солнышко погреться вышел? — окликнул он издали высокого и худощавого мужчину, в суконном колпаке и поношенной суконной однорядке, сидевшего на песчаном бугре под откосом берега.

Князь оглянулся на старика попа и, обменявшись с ним поклоном, сказал:

— Где уж нам на вашем солнце греться?.. Мы к другому солнцу привычны.

— Не обжился еще, князь! — добродушно заметил поп. — А вот как с наше проживешь здесь, так и полюбишься.

— Спасибо на добром слове, — с горькою усмешкою отозвался князь и, чтобы переменить разговор, спросил: — Знать, на озеро собрался?

— На озеро... Вишь, в святцах у меня записано, что в прошлом году об эту пору был улов богатый у меня... Вот и хочу попытать сегодня закинуть на боярченково счастье, на Мишенькино.

— Что ж, попытай! Вон они на берегу с Танюшей около челнов в песочке роются, камешки собирают.

И он проводил попа глазами до челнока, уже сдвинутого в воду внуком, посмотрел, как он в него уселся, уложил у себя под рукою снасти и, ловко подгребая внуку веселком, направил челн к длинной гриве камышей, черневшей в полуверсте от берега.

— Танюша! Миша! — крикнул потом князь, поднимаясь с бугра. — Пойдем-те-ка домой!.. Чай, тетка-то уж обедать собирает.

— Бежим, бежим, дяденька! — зазвенели снизу серебристые голоски детей, и князь не успел еще пройти и двадцати шагов, как его нагнала девочка лет восьми, русоволосая, быстроглазая и худенькая, и с нею румяный и курчавый мальчик лет пяти, которого она тащила за руку.

— Пойдем, пойдем скорее, Миша! — торопила его девочка. — Покажи-ка дяде, что мы с тобой набрали!

— Дядя, дядя, посмотри-ка! — радостно крикнул мальчик, теребя князя за полу его однорядки и показывая ему камешки и раковинки, которых он успел набрать полную шапку.

— Смотри какие, дядя! — пояснила девочка. — Все разноцветные: и черные, и серые, и красные... А в раковинах все улитки сидят.

— Улита, улита! Высунь рога, дам пирога! — пресерьезно проговорил мальчик, присматриваясь к одной из раковин.

Князь улыбнулся.

— Не сули ей, Миша, чего у тебя самого нет. Мы с тобой и сами больше года пирогов в глаза не видим! — сказал князь, трепля мальчика по щечке.

Между тем они подошли к избам, огороженным частоколом, вошли калиточкой во двор и уже подходили к крылечку, когда дверь в избу распахнулась и из нее вышла на крылечко миловидная девушка лет восемнадцати в старой полинялой ферязи брусничного цвета и в поношенной телогрейке, накинутаой на плечи.

— Вот и тетя Настя идет за нами! — весело закричали дети и побежали навстречу своей любимой тетке, родной сестре их отца Федора Никитича Романова и его братьев, разосланных в дальние ссылки.

— А и точно за вами послала княгинюшка! — проговорила мягко Настасья Никитична, лаская деток. — Боялась, чтб похлебка у ней простынет, грибная, славная такая уварилась! Да и блинцы ржаные перестоят.

— Идем, идем! — сказал князь, ускоряя шаг.

В избе, переделенной перегородкой, было и тесно, и бедно, хотя чистота царилла повсюду поразительная. Притом и тепленько было, и воздух был наполнен

запахом печеного хлеба, который стряпуха под наблюдением самой княгини вынимала из печи, и ароматом грибной похлебки, от которой клубом валил пар.

— Ну, слава Богу! Все в сборе! — проговорила, добродушно улыбаясь, княгиня Черкасская, полная и все еще красивая женщина лет под сорок. — Одной Ульяне неможется — лежит бедняжка... Извелась совсем, тоскуя по муже, по братце Александре Федоровиче... Ну, Танюша, читай молитву.

Танюша прочла молитву, и все сели за стол, покрытый чистою, но грубою браниной, и стали кушать из одной общей деревянной чашки, похваливая похлебку в честь и утеху хозяйке. Особенно охотно ели дети, набегавшиеся с утра, и княгиня, любуясь на них, не раз их гладила по голове.

— Кушайте, кушайте, детушки, на здоровье, — приговаривала она, пододвигая им ломти хлеба. — Там ведь у нас еще только блинцы ржаные с гороховым кисельком.

Когда стряпуха подала на стол эту вторую перемену, князь только посмотрел на деревянное блюдо, на котором блинцы лежали стопками, и на глиняную латку с киселем и отвернулся, поморщившись.

— Ан нелюбы, голубчик? — спросила его княгиня, ласково прикасаясь к его руке.

— Припомнилось мне, матушка, — сказал ей князь, — что этого кушанья, бывало, и холопы не едали на нашем московском подворье.

— Э-э, милый! То на Москве, а то на Белоозере... Мы и за этакую яству Бога благодарить должны... А помнишь ли, как нам вначале пристав-то наш, злодей, и Мишеньке с Танюшей молочка не давал, в яичках им отказывал, пока его по царскому указу не образумили?... Да и почему ты знаешь, есть ли у брата Федора Никитича да у сестрицы Ксении Ивановны и такая-то еда?... Им, горемычным, каково?..

Танюша вдруг обратилась к тетке-княгине с вопросом:

— А где же теперь батюшка с матушкой? Когда мы к ним поедем?

— Далеко они от нас, не скоро до них доедешь! — с грустью проговорила Настасья Никитична, закрывая лицо руками.

Дети взглянули на нее и разом расплакались неутешно.

— Полно, полно, детушки! — ласково заговорила княгиня, привлекая к себе и Мишу и Танюшу и целуя их нежно. — Вот погодите: скоро от царя указ придет, чтобы всем нам немедленно отсюда к маме ехать... Озером на ладьях и поедем. А от мамы уж и до отца недалеко — рукой подать...

И так ласкала и уговаривала, пока не отвлекла внимания их от мысли о тягостной разлуке с отцом и матерью и не сманила их на двор порезвиться и побегать.

Когда дверь в сенички захлопнулась за детьми, княгиня обратилась с укором к сестре Настасье Никитичне:

— Ну как тебе не грех, разумница? Детей сбиваешь с толку: напоминаешь им о наших бедах и горе! Что ж ты, как и Ульяна, выше Бога, что ли, хочешь стать? Его ли святой воле не хочешь покориться? Он, чай, лучше нас с тобою знает, чем наградить нас, чем покарать...

— Сестрица, голубушка! — проговорила, всхлипывая, Настасья Никитична. — Ох, уж тошнешенько приходится! Во всем нужда, во всем недостача! Обувь с ног валится, платишко с плеч просится, заплаты на нем положить, и той нечем!